

Геоэкономическая формула мироустройства:
Россия в новом универсуме

Доклад

Геоэкономическая формула мироустройства.
Траектории России в новом универсуме

А.И. Неклесса

Введение в тему. Геоэкономическая
система мироустройства
в контексте метаморфоз
миропорядка

Доклад посвящен одному из аспектов совершающихся на планете перемен, который привлекает к себе особое внимание, а именно — генезису инновационных формул организации человеческого общежития, рожденных трансформацией привычных форм государственности (nation state).

Именно множественность изменений и подвижек в данной сфере, а также сама феноменология оригинальных кодов миростроительства свидетельствуют о культурном и цивилизационном транзите, переживаемом человечеством, являясь яркими симптомами процесса.

В результате, можно сделать следующие констатации:

- 1) вестфальская система международных отношений переживает трансформацию в некое иное состояние;
- 2) генезис в рамках обозначившегося транзита новых прототипов социально-политической организации человеческого сообщества;

3) перерастание формулы глобализации (мирового рынка) в специфическую форму миропорядка.

Анализ данных позиций является содержанием представленного доклада.

Геоэкономика как предмет исследования

Геоэкономика — направление социальных наук, сформировавшееся в середине XX в. на стыке экономики и политологии. В предмете геоэкономики просматриваются несколько аспектов, объединяющих в единый комплекс вопросы экономической истории, экономической географии, современной мировой экономики и политологии, конфликтологии, теории систем управления. Геоэкономика изучает:

- географический императив, выражающийся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности;
- «мощь и ее актуальный инструментарий», происходящий сдвиг международных силовых игр из области военно-политической в область экономическую, порождающий особый тип конфликтов — геоэкономические коллизии в глобальном контексте;
- политику и стратегию повышения конкурентоспособности государства в условиях глобализации экономики (унификации и поглощения мировой экономики «вселенским рынком», ее новой структурности);
- пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) в новом глобальном универсуме различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда;
- слияние политики и экономики в сфере международных отношений, формирование на данном базисе системы стратегических взаимодействий и основ глобального управления.

Наблюдения о связи экономики, истории и географического пространства можно встретить у самых разных ученых XIX–XX вв. в широком диапазоне — от Фрица Рерига и Фридриха Листа («автаркия больших пространств») до Фернана Броделя («миры-экономики») и Иммануила Валлерстайна («мир-системный подход»).

Общее понятие о предмете *геоэкономики* первоначально возникает в русле геополитических штудий для фиксации реалий, относящихся к экономическим аспектам данного направления социальных исследований. Очевидно, что экономика Европы и экономика тропической Африки, равно как экономика стран континентальных и стран прибрежных, в своих существенных характеристиках типологически различны. Так, развитие товарного производства в умеренных широтах стимулировалось сезонным циклом сельскохозяйственной активности и необходимостью складирования собранных продуктов, в то время как экономика тропической зоны не имела столь выраженной цикличности, а складское хранение заменялось поддержанием экологического баланса определенных растительных зон. В трудах геополитиков отмечалось также отличие базовой экономической модели *Rimland*'а (ориентированной на широкий товарообмен) и *Heartland*'а (в большей мере нацеленной на самообеспечение).

Геоэкономика как самостоятельное понятие и направление исследований возникла еще в Германии в 1920-е гг., практически одновременно с геополитикой, но пребывала в тени последней и никаким образом себя не проявляла.

Однако в 40-е гг. XX в. (Чарльз Колби, Гриффит Тейлор Маурицио Пармели) она пережила некоторую реанимацию, частично вследствие попытки избавиться от отягощенного одиозными ассоциациями понятия геополитики, активно использовавшегося в нацистской Германии. Геоэкономика при этом очертила несколько иное предметное поле, нежели геополитика, взяв, однако, от последней целостный, структурный подход к рассмотрению социальной реальности и

политической динамики. В дальнейшем отдельные (немногочисленные) работы по геоэкономике выходили в странах Третьего мира и Южной Европы.

В генезисе современного понимания геоэкономики, сформировавшегося к концу XX в., просматривается определенная преемственность с подходами и инструментарием геополитики, что не в последнюю очередь связано с господствующими умонастроениями рубежа 1980–1990-х гг. В те годы многие исследователи прогнозировали смещение силовых игр наступающей эпохи из военно-политической сферы в экономическую и эскалацию нового типа конфликтов — геоэкономических коллизий, развивающихся в контексте международных отношений.

Подобный концепт был положен в основу статьи американского ученого Эдварда Люттвака *«От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика торговли»*, опубликованной в журнале *National Interest* летом 1990 г. Люттвак противопоставляет в ней геополитику — с ее акцентом на использование военной мощи для достижения внешнеполитических целей — геоэкономике как политике, ориентированной на победу в экономическом состязании. Следует упомянуть также работы Эндрю Лейсона и Уильяма Нестера.

В Европе концепция геоэкономики в те же годы активно разрабатывалась в Италии генералом Карло Жаном, опубликовавшим, в частности, в начале 1991 г. статью *«Геоэкономика: инструментарий, стратегия и тактика»*, несущую отпечаток геополитических конструкторов и военно-стратегического стиля мышления автора. По мнению генерала Жана, *«геоэкономика основывается не только на логике, но и на синтаксисе геополитики и геостратегии, а в более широком смысле — и на всей практикологии конфликтных ситуаций»*. В целом, в трудах итальянских ученых (К. Жан, П. Савона, С. Фиоре, Ф. Бруни Рочча) под геоэкономикой понимается *«дисциплина, изучающая те аспекты международной конкуренции, где*

главными действующими лицами выступают не корпорации, тресты или банки, а государства».

В России разработка геоэкономического инструментария исследователями и освоение геоэкономического подхода государственными учреждениями начались непосредственно после распада СССР. Российская концепция геоэкономики при этом в значительной мере отошла от прочтения предмета в русле идей геополитики и конфликтологии. Геоэкономика понимается скорее как *пространственная локализация типов экономической деятельности в глобальном контексте и связанная с этим феноменом новая формула мирового разделения труда, а также как слияние политики и экономики в сфере международных отношений, как формирование на этой основе системы стратегических (глобальных) взаимодействий.*

Данное направление, тесно связанное с развитием процессов глобализации, активно развивалось в 1992–1993 гг. в Главном управлении стратегического анализа развития внешнеэкономической деятельности МВЭС РФ (А.И. Агеев, А.И. Неклесса, В.И. Юртаев). Геоэкономический подход углублялся в теоретическом отношении (разработка формальной схемы геоэкономического атласа мира) и применялся на практике при планировании стратегии ВЭД (внешнеэкономической деятельности) России как в целом, так и в ее региональных и отраслевых аспектах. Геоэкономические реалии учитывались, в частности, при разработке концепции ТКС (транспортных коммуникационных систем) и сравнительном анализе достоинств и недостатков широтных систем «Восток–Запад» и меридиональных — «Север–Юг» (1992), они обсуждались при формулировании «Основных положений внешнеполитической стратегии РФ» (1993).

В настоящее время в российской геоэкономике доминируют две исследовательские модели:

- а) гексагональная конструкция глобального геоэкономического универсума А.И. Неклессы;

- б) понимание геоэкономики Э.Г. Кочетовым как политики и стратегии повышения конкурентоспособности государства в новом глобальном контексте.

Транзит актуальных форм человеческого общежития

Становление нового формата государственности неоднозначно по характеру и неоднородно по содержанию рождающихся в русле процесса влиятельных и дееспособных социально-политических конфигураций.

Число национальных государств и разного рода квази-государств превысило на сегодняшний день две сотни. В этом пестром конгломерате можно встретить чрезвычайно разные образования: полуторамиллиардный Китай и население островного атолла, отколовшуюся мятежную провинцию и этнос, сражающийся за обретение суверенного национального очага.

Эти и подобные им образования, будучи объединенными контекстом международной практики, разделены в то же время степенью достигаемого ими успеха в вопросах адаптации к нормативам суверенного национального государства. А также степенью признания данного успеха со стороны мирового сообщества.

В результате, система национальных государств как общество исключительных субъектов международных связей (*inter-national relations*) дополняется инновационными конструкциями.

Относительная гомогенность системы постепенно размывается, а правовые основания меняются под воздействием полифонии деятельных агентов перемен, прагматично ранжируемых в соответствии с уровнем влияния, оказываемым ими на состояние мировой среды (*intra-global relations*).

На сегодняшний день можно, пожалуй, различить три кластера перемен, три слоя социального текста, которые

приходится учитывать при толковании миропорядка и моделировании действий в условиях подвижной реальности.

Прежде всего, это новая композиция международных отношений, т. е. различные формы адаптации к изменившимся условиям «традиционной» национальной государственности (nation state), перераспределяющей полномочия сразу по трем векторам: глобальному, конфедеративному, субсидиарному.

Одновременно мы наблюдаем изменение логики актуальных мировых связей и, соответственно, — императив обновления способов анализа сложноподчиненной конфигурации геополитических и геоэкономических зон (geo-economic areals).

Наконец, имеет место генезис новой среды и ее обитателей — в том числе, корпораций-государств (corporation-state): влиятельных протосуверенов, объединяющих экономические функции с социальными/политическими амбициями и все увереннее чувствующих себя в антинomialной структурности одновременно интегрируемого и диверсифицирующегося социокосмоса.

Ситуацию кроме того усложняет реально существующий «четвертый слой» мировой политической конструкции: параллельное, синкретичное сосуществование прежних и новых социоструктур. При этом приходится анализировать не только актуальную феноменологию мировых конструкций, но также динамические связи и взаимодействия, которые возникают или только еще могут возникнуть между различными персонажами глобальной драмы.

Таким образом, обновление топографии социальных пространств носит характер комплексный, «компаративный». А делегирование национальной государственностью полномочий (суверенитета) собираемым тут и там трансформерам совершается по различным направлениям и реализуется в различных регистрах. Все это часть грандиозной, системной реорганизации глобального сообщества. Реорганизации, получившей ярлык «постсовременности» (Постмодерна).

Новый миропорядок

Активный поиск золотой формулы грядущего миропорядка происходил на протяжении всего прошлого столетия, включая привычный, связанный с национальной государственностью регистр социальной/политической практики.

Этот поиск отражен, к примеру, в миропроектности Коминтерна (1919) — вспомним строки из манифеста III Интернационала, где провозглашалось: *«Национальное государство, давшее мощный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. <...> Пролетарская революция <...> освободит производительные силы всех стран из тисков замкнутых национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана».*

Но подобная же динамика была пунктирно прочерчена и в замысле Лиги Наций (1919) — этом своеобразном прообразе грядущих мировых регуляторов, организации, содержавшей также зародыш будущей международной бюрократии. И занимавшейся в числе других проблем вопросами инновационного госстроительства на обезличенных постимперских пространствах (не имея при этом собственной территории, но распоряжаясь — т. е. в некотором смысле обладая — территориями, «подмандатными» ей).

Своя версия «нового общественного порядка» просматривалась в идеях и практике итальянского корпоративизма (фашизма), а также в мрачной эскизности *Ordnung*'а...

Мировые регулирующие органы

Во второй половине XX в. поиск «золотого сечения» нового мирового порядка проявился в утверждении биполярной системы мироустройства: «содружества социалистических

стран» и «капиталистической системы», в процессах массовой деколонизации и становления «третьего мира», в формировании глобального «свободного рынка».

А также в создании Организации Объединенных Наций, включая несколько десятков ассоциированных и аффилированных международных организаций, в том числе достаточно влиятельных и вполне автономных. И в тех существенных подвижках, которые внес в прописи международного права такой институт, как Совет Безопасности ООН (1945); подвижках, связанных с делегированием сообществом суверенных государств определенных властных полномочий этому коллективному органу, включая право при определенных обстоятельствах на применение вооруженной силы против суверенных государств.

Дальнейшая судьба феномена мировых регулирующих органов связана с судьбой коалиции «большой шестерки / семерки / восьмерки» (1975). И с генезисом такого своеобразного мирового регулирующего организма, как «*мировая господствующая держава*» (по выражению Колина Пауэлла в бытность его государственным секретарем США) или «*новый орган всемирно-политической власти*» (Збигнев Бжезинский).

Страны-системы

Наряду с формированием мировых регулирующих организмов отмечу распространение феномена стран-систем.

В одной из своих ипостасей это те же Соединенные Штаты, чья административно-политическая граница не совпадает с границами «национальной безопасности» и «зон жизненных интересов».

В еще более явном виде — становление и расширение Европейского союза, особенно родившееся в его лоне «государство Шенген».

В иной версии миростроительства — Большой Китай, вбирающий такие сегменты, как Макао, и образующий симбиотическую структуру с автономией Гонконга. А в перспективе, возможно, с другими территориями, имеющими прямое и косвенное к нему отношение.

Это также аморфное постсоветское пространство, которое способно на останках структурности СНГ породить в том или ином формате системы государств — как связанные с Россией (например, ЕврАзЭС), так и независимые от нее (ГУАМ либо конфигурации западно-южной балтийско-черноморской общности).

Глокализация и субсидиарность

Наконец, очевидна диверсификация суверенитета как на путях легальной дефедерализации (недавний опыт СССР, Чехословакии и Югославии или другие ситуации относительно недавнего прошлого, приведшие к образованию суверенных государств — наподобие генезиса Бангладеш или Эритреи), так и в русле многоликости субсидиарности вкупе с процессами универсальной глокализации.

Субсидиарность, ее двоюродные и троюродные родичи наряду с привычными ситуациями автономизации (Северная Ирландия, Шотландия, Баскония, Каталония, Корсика, Фландрия и т. п.) сегодня включают в себя множасьую феноменологию «непризнанной государственности» (Северный Кипр, Карабах и др.), венчурные формы ее легитимации (Палестинская автономия, Косово), поиск иных способов адаптации (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия).

Или же специфическая этническая либо «национально-освободительная» государственность, периодически проявляющаяся, к примеру, на Африканском континенте (как лимитрофы искусственно прочерченных границ), либо

повстанческие криминальные и полукриминальные латиноамериканские «республики сельвы». Равно как этноконфессиональные (Дарфур) трайбалистские (зона Великих африканских озер), демодернизированные (Сомали, Афганистан) и другие неоархаичные образования. Или обширный, хоть и принадлежащий прошлому, южноафриканский опыт строительства бантустанов.

Здесь же стоит упомянуть сумятицу несостоявшихся и обанкротившихся государств. Или многоликих транзитных «золотых земель», мятежных автономий: от квазигосударственности каренов и монов в Юго-Восточной Азии до «зоны племен» на афгано-пакистанской границе, плавно переходящих, в конце концов, в трансграничную и своеобразно социализированную структурность полевых командиров и наркотрафика.

Геоэкономическое мироустройство

Геоэкономическая формула мироустройства, сохраняя определенную преемственность с прежней практикой миростроительства (догоняющей модернизацией), реализуется, однако же, в заметно ином историческом формате, отчасти напоминающем прописи сословного (слоистого) мира. Генетически произрастая из кодов фритредерства, сегодня она закрепляет и технологизирует намеченное в прежнем политическом языке разделение мира на большие пространства Востока и Запада, Севера и Юга, «индустриально развитых стран» и «третьего мира» и т. п.

Формирующуюся геоэкономическую конструкцию (геокон) можно описать как специфичное соподчинение шести ареалов, два из которых являются транснациональными, а четыре имеют географическую локализацию. Это:

- транснациональный космос штабной экономики (Новый Север);

- трансгеографическое теневое пространство мирового андеграунда и трофейной экономики (Глубокий Юг), интегрирующее останки несостоявшейся либо обанкротившейся государственности, а также инволюционные формы социально-экономической практики и глобальной маргинализации, подобно ленте Мебиуса плавно смыкающийся с глобальной теневой стиральной машиной квази-Севера;
- высокотехнологичный Североатлантический регион (Запад);
- связанное с массовым промышленным производством Большое тихоокеанское кольцо (Новый Восток);
- традиционный сырьевой Юг;
- не обретший внятный геоэкономический профиль сухопутный океан Северной Евразии, связанный с перспективами развития либо деградации российской государственности.

Новые акторы на планете

Пожалуй, наиболее интригующим регистром практики является пространство новых акторов на планете — государств-корпораций и корпораций-государств — территориальных, деятельных и антропологических организованностей, активных и дерзновенных протосуверенов, отличных от прежних форм государственности и социальной организации в целом.

В процесс по-новому прочитанной субсидиарности вовлекаются при этом не только регионы, автономии или мегаполисы, но и разного рода амбициозные корпорации, обладающие трансэкономическим целеполаганием.

Это также идущий на смену гегемонии буржуазии новый политический класс — сгустки сознаний и воли, субъекты и агенты драматичных перемен, совершающихся в человеческом космосе.

Человек-*manterpriser* (человек-предприятие) институализирует себя как аутосуверена, следуя формуле — «нет общества, есть только индивиды». Именно занимающий в мире властные позиции эклектичный слой четвертого сословия очерчивает контур новой глобальной социальной конструкции — пространства обитания трансграничного сообщества, развивающегося по собственным лекалам, знаменуя и ускоряя самим фактом своей экспансии формирования постсовременного универсума.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать: на планете возникают новые формы влиятельных парастагосударственных образований, утверждаются альтернативные конфигурации международных связей: действуют мировые регулирующие органы, страны-системы, на пороге правовой легитимации поколение социоконструктов, рожденных процессами субсидиарности и глокализации. Другими словами, государственность сохраняется, но обретает новую историческую формулу так же, как несколько веков назад, исторической новацией явилось само национальное государство.

Часть I. Беседа об основаниях, экономической истории и высоких геоэкономических технологиях

В мире нарастает напряжение между двумя расходящимися векторами экономической деятельности: финансовым и энергетическим. Финансы и энергетика — два камертона современной экономики, тональности которых значимы для рассмотрения и решения как стратегических, так и насущных проблем в данной области практики. На поле, очерченном этими векторами, разворачиваются сегодня геоэкономические игры и штабные учения по организации нового мироустройства.

Понятие геоэкономики на сегодняшний день имеет несколько расшифровок; в данном же случае я имею в виду са-

мое простое и, возможно, самое точное из них. По крайней мере, наиболее актуальное — область практики, представляющая амальгаму экономики и политики. Акцент при этом остается все-таки на экономике.

О чем я предполагаю сегодня вести речь? Кажется, есть общее понимание, что с экономикой на планете происходит нечто интригующее, но одновременно и настораживающее: какая-то фундаментальная мутация. Так что разговор у нас пойдет об изменениях среды и деятельности. Или, говоря другими словами, о формулах организации среды и формах экономической практики. Среда ведь бывает хорошо исследованная, познанная, но отошедшая в прошлое, актуальная, но претерпевающая трансформацию — порою, плавную, эволюционную, подчас радикальную и революционную. Случается, катастрофическую. Экономика относится к сфере практики, следуя классификации Аристотеля. Но с деятельностью происходит то же, что со средой. Мы наблюдаем изменение привычных форм деятельности, сосуществование разнородных регламентов и процедур, их полифонию или какофонию: словно субъекты, объединенные средой и практикой, действуют в различных системах координат.

Что это за системы координат, и какие из них являются наиболее перспективными? Почему существует множественность мыслительных горизонтов? И на чем основана подобная дивергенция? Ее мы не наблюдаем ни в физике, несмотря на то, что там выдвигаются и обосновываются новые гипотезы, ни в химии, ни в биологии. Все дело в корректном определении характера социальных и гуманитарных наук. Потому что экономика не является наукой в том строгом смысле, в котором это понятие введено в европейскую цивилизацию. Наука — то, что исследует объективную действительность. Поэтому физика, химия, биология — наука: там есть аксиомы, константы, которые могут быть познаны. Познанные однажды в рамках этих дисциплин законы сохраняют свою силу, не отменяются. Просто с открытием новых закономер-

ностей сужается сфера их применения: Эйнштейн ведь не отменяет Ньютона, просто уточняет его. Но в антропологической вселенной дела обстоят иначе. Там время от времени происходит полноценный переворот, который делает практически ничтожными прежние схемы. И дело не в идеологических предпочтениях (точнее, не только в них). Просто мы имеем дело с вселенной людей, в которой отсутствует неизменность социальных констант, а место аксиоматики занято мировоззрением.

На планете одновременно сосуществуют различные уклады: есть даже оригинальная экономика каннибалов Новой Гвинеи и не менее своеобразная экономика индейцев Амазонки. У них тоже существуют экономические связи, отношения, сплошь и рядом неправильно понимаемые: к примеру, у них отсутствует обмен вещами и рынок в нашем понимании. Вместо этого есть процесс дарения. Они дарят и ожидают ответного подарка. Или экономические коды, связанные с климатическими особенностями зоны их применения. Так, товарная экономика развилась в определенной климатической зоне, где осенью собирали урожай, а зимой его хранили. Из наличия хранилищ следовал тот или иной режим распределения — например, продажа. Нам данный алгоритм представляется естественным, но, скажем, в тропической экономике он был бы нерационален. Если вы соберете урожай бананов и складируете его, имея в виду последующее распределение внутри общины, то, спустя некоторое время, получите никому ненужную жидкую массу. Поэтому в тропиках существовала иная форма экономической практики, когда племена обмениваются участками, а роль холодильника выполняет дерево, потому что бананы лучше сохраняются не в собранном, а в растущем виде. Ну и т. д.; это просто пример, иллюстрирующий подвижность столь привычных рамок.

Однако, не являясь наукой в строгом смысле этого слова, на чем базируется экономика? Позволю небольшое отступление. Для меня практик — это человек, который действует,

видя определенный ландшафт вокруг себя и горизонт. Он видит его и реализует соответствующую стратегию, по возможности, оптимальным путем. Но как быть, когда актуальным становится не сам горизонт, а нечто находящееся за горизонтом? Ведь это практически невозможно увидеть. Практически, потому что есть такое явление, как миражи. Миражи, однако, часто оказывают нам дурную услугу, поскольку множат мифологию: читая профессиональную литературу, видишь, как много быличек рассказывается с позиций футурологии. Ситуацию усложняет то обстоятельство, что миражи исходят из пространства, где не просто возникает следующий горизонт, а, скорее, проблема, в каком направлении этот горизонт вообще находится. И для «МинПромЭнерго» это действительно проблема, потому что категория промышленности в современном мире становится комплексной, неоднозначной. Что считать промышленной, индустриальной деятельностью: сводится ли она, как сейчас принято говорить, к аппаратной части или же включает в себя широкий диапазон «виртуальных» компонентов и нематериальных активов? Или экономическая активность трансформируется в условиях денежного строя в финансовую категорию? Или же в категорию ресурсную и — энергетическую?

У нас на семинар отводится два часа, поэтому, полагаю, можно будет обо всем этом поговорить подробно, затрагивая основания, историю и контекст.

Сегодня мы работаем в системе координат, которая нам кажется единственно разумной, — в системе рыночной экономики или системе капитализма. Что такое капитализм — тем более, капитализм российский, — так и не было толком определено. Подразумевалось, что это пространство операций в контексте свободного рынка. Но если ознакомиться с трудами людей, которые основательно изучали данную тему, то мы с удивлением увидим, что капитализм рассматривался ими подчас как феномен, чуть ли не противоположный ка-

тегории свободного рынка. Мне нравится знаменитое трехтомное исследование Фернана Броделя, в котором он определяет капитализм как антирынок, из чего проистекает много практических следствий. Почему антирынок? Потому что капитализм — это последовательная и системная деятельность по извлечению системной прибыли; иногда, упрощая ситуацию, ее называют сверхприбылью. То есть, это пространство системных операций, в которых решаются задачи как операциональные, так и социальные, иногда — политические, хотя произрастало это из достаточно простых форм.

Бродель приводит в качестве примера операцию с горшками. Он пишет примерно следующее: есть свободный рынок — базар, на котором торгуют горшечники из разных деревень. Лепят горшки, привозят их на рынок. Кто-то из этих мастеров более умелый торговец, кто-то — менее умелый. Горшечник, продавая свои горшки, вынужден подстраиваться к самой низкой цене, поэтому и уровень издержек производства необходимых издержек производства, постоянно растет в либеральной экономике. А в реальной экономике он не растет. Это проблема, почему так происходит. Проблема, которой давались различные объяснения. Но вернемся к модели либерального базара, на котором конкурируют горшечники. В какой-то момент туда приходят те, кого назвали капиталистами. Они скупают горшки, а точнее — самих горшечников. Они организуют производство, выявляют конъюнктуру, устанавливают цены. Да, конечно, определенную роль играет (со временем) антимонопольное законодательство; но, тем не менее, это принцип деятельности: внутри public market появляется private market, превращая рынок в пространство системных операций. Знаете, с феноменами бороться легко. Антимонопольное законодательство в состоянии с ними бороться. Бороться с принципом системных операций — тем более, реализуемом в глобальном масштабе — бессмысленно, потому что, согласно этому же принципу, если какая-то рабочая (отраслевая, национальная, региональная) площад-

ка становится слишком «горячей» или просто неудобной, ее бросают и переходят на другую площадку...

Европейский капитализм формируется где-то в XIII–XIV вв., когда возникают города, денежная экономика, торгово-финансовые схемы, которые вводят такие инновации в своей сфере деятельности, как банкноты (ассигнации), как национальный долг, как центральный банк. Все эти инструменты приносят колоссальную прибыль. Причем прибыль заметно большую, нежели обычные операции.

Однако обустройство предметного поля финансово-торговых операций происходит параллельно с процессом формирования национального государства, которое — по мере становления и укрепления — отчуждает высокие финансовые технологии того времени в свою пользу. Возникает кризис, требующий разрешения, ведется поиск новых плодородных полей для применения искусства системных операций и получения системной прибыли. И таковым оказывается промышленное поле деятельности (это уже примерно XVII–XVIII вв.). Почему? — Потому что *промышленная деятельность в этот период переживает необычайный взлет*: практически любые операции на этом стремительно расширяющемся пространстве были обречены на успех. Это означает, что вы можете допускать массу ошибок, можете работать достаточно небрежно — и все равно вы будете иметь значительную прибыль, поскольку все ваши ошибки, все недочеты списываются за счет того, что инновационная промышленная «рента» растет столь стремительно, что поглощает отдельные недочеты. Забегая несколько вперед, отмечу, что понятие **нового предметного поля** экономической деятельности весьма и весьма важное понятие, особенно в современной экономике — это ее ахиллесова пята, из-за чего современная экономика находится в перманентном кризисе. И новые предметные поля экономической деятельности — это именно то, что сегодня востребовано временем.

Итак, возникает промышленность, основанная на творческих энергиях новой эпохи, новой цивилизации. В предыдущих цивилизациях ничего подобного не было: не было, к примеру, понятия «расширенного производства» и вся экономика строилась на понятии «баланса». Нас поражают, скажем, пирамиды, зиккураты, прочие колоссальные конструкции Древнего мира: они как бы аккумулировали человеческую энергию в период изобилия, а в период «тощих коров» давали людям определенный достаток. Особенно это относится к ирригационным сооружениям, хранилищам зерна — т. е. сооружениям, служившим для демографического и социального баланса общества. Расширенное воспроизводство характерно для эпохи Модернити, времени, когда человечество переживает промышленный, индустриальный взлет, инновационный взрыв, генетически связанный с развитием эмбриона современного общества — городской культурой. Новая культура, стремительно развиваясь, вовлекала в свою орбиту все новые сообщества и территории.

К концу позапрошлого века на планете была выстроена общепланетарная конструкция. Со времен Берлинского конгресса 1885 г. мир полностью поделен ведущими мировыми державами по принципу эффективного управления: это была своего рода зональная глобализация (слова для обозначения этого феномена в те времена не было, но само явление уже существовало). Она была специфическая, напоминая арбуз, разрезанный дольками: германская доля — относительно скромная, французская — огромная, британская — колоссальная. Мир был разделен практически весь, особенно это заметно по границам на Африканском континенте — часто просто прямыми линиями, проведенным без учета рельефа местностей и этнического состава населения.

Зональная глобализация в каких-то своих аспектах была даже более полной: например, в том, что касалось свободного перемещения людей, — тогда путешествовать по миру можно было практически без паспортов. Что же касается

движения товаров, отношения внешней торговли к ВВП, то только к концу прошлого столетия пропорции были восстановлены. Казалось, мироустройство достигло равновесия; и, примерно, как физики того времени поговаривали, что в природе не предвидится фундаментальных открытий, так и в жизни общества предполагался период освоения произведенной экспансии. Но именно в начале XX в. круто меняется русло общественного развития.

Не затрагивая политические пертурбации, назову факторы, взорвавшие на пороге XX в. ситуацию в экономической сфере: это использование электричества, это двигатель внутреннего сгорания, это производные нефтехимии и искусственные материалы, наконец, это средства коммуникации и примыкающая к ним индустрия массовых развлечений. Если вдуматься, то любое из этих открытий породило многочисленные производные, направления деятельности, оказавшиеся не просто новыми отраслями экономической практики, но изменившие образ жизни современного человека, внося заодно и новый обертон в само понятие цивилизации.

В результате, перевернулось соотношение между потребителем и производителем: до этого, хотя вещи и были дорогими, но потребитель гонялся за производителем, ибо многого недоставало. Однако в результате инновационного прорыва и еще такого фактора, как введение конвейерного производства, положение радикально изменилось.

Кстати говоря, в 90-е гг. кризисную ситуацию в России нередко сравнивали с периодом американской «великой депрессии», не замечая при этом их кардинального различия. Почему я хочу какие-то моменты прояснить — хотя они, в общем-то, известны — и, в то же время, в разговорах часто приходится сталкиваться с непониманием или с мифологизированным пониманием реперных точек маршрута современной экономики.

Что касается «великой депрессии», это была своеобразная бедность — бедность, возникшая из изобилия. Иначе говоря, производство стало настолько эффективным, а вещи, соот-

ветственно, столь дешевыми, что для их изготовления уже не требовалось прежнее количество работников. Но возникла острая нужда в другой категории — потребителях, причем потребителях вполне определенного рода — платежеспособных, а не просто людей, нуждающихся в тех или иных товарах. Отсюда — колоссальное количество лишнего труда и колоссальное количество лишнего продукта. Излишки уничтожались, сжигались, выливались на обочины дорог... И с этим надо было срочно что-то делать. Социальная и политическая матрица мироустройства оказалась неприспособленной к произошедшему экономическому перевороту. Так что, ни бедность из мира не ушла, ни нищета, но потребителей не хватало, их даже стало меньше, поскольку значительное количество работавших превратились в безработных.

Миром, однако, правят достаточно умные, хотя и не всегда мудрые люди, и они кое-что сделали, причем сразу по нескольким направлениям. Результаты их действий со временем полностью перевернули мир и сформировали новую реальность. Что именно они сделали?

Во-первых, они создали нового потребителя: средний класс, систему социального обеспечения внутри страны, а затем и общество массового потребления, сокрушая при этом основы протестантской этики и культуры.

Во-вторых, воплотили в жизнь идеи фритредерства, сломав протекционистские перегородки зональной глобализации.

В-третьих, реализовали комплексный план повышения емкости каналов потребления: с одной стороны, на основе форсирования искусственного потребления (моды, стереотипов); с другой — развития кодов высокотехнологичной деструкции: от морального устаревания продукта до индустрии материалоемких и высокотехнологичных войн.

В-четвертых, резко расширили сферу нематериального производства и индустрию оказания разнообразных услуг.

Наиболее серьезной проблемой была реализация культурного переворота. Когда сегодня, говоря о капита-

лизме, оперируют категорией протестантской этики, то это не просто не соответствует современной практике. Основной противник у экономики XX в. — как раз протестантская этика, которая не позволяла шиковать, переводя практикующего подобное поведение субъекта в разряд нувориша или парвеню, и сдерживала, таким образом, создание вещей-однодневок, а в более широком плане — механизмы престижного, искусственного, избыточного потребления, столь необходимые новому положению дел.

В идеале, вещи должны утром рождаться, чтобы вечером быть выброшенными. И особое место в этой логике занимает такое явление, как мода. Мода, а не гротескное выливание молока на обочину дороги или сжигание зерна в топках. Так что требовалось не просто сломать протестантскую этику, но реализовать иную систему ценностей. Мне довелось жить в Соединенных Штатах в пятидесятые годы, т. е. в Америке Эйзенхауэра, и побывать несколько раз в современной Америке: в результате, я вполне ощущаю разницу между прежней, протестантской Америкой и Америки новой, пережившей контркультурный переворот.

Другой непростой задачей был взлом имперских границ. На это потребовалось время, и новое состояние дел стало столь привычной нам сегодня глобализацией (или «глобализацией-2»). Прежняя же форма глобализации никоим образом не устраивала тех, кто создавал конструкцию глобального рынка. Имперское мироустройство предполагало наличие мощных тарифных барьеров, а основным локомотивом индустриальной экономики являлись США, у которых фактически не было своей «дольки» в «глобальном арбузе» и которые претендовали при этом на весь «арбуз». Естественно, что основным протагонистом идеи фритредерства стали Соединенные Штаты.

Прорыв в данной области произошел в годы Второй мировой войны. И за поддержку в этой войне Великобритании Америка потребовала определенную плату: снятия таможен-

ных барьеров. Так была заложена конструкция Всемирной торговой организации (ВТО), на том этапе в виде протянувшейся без малого на столетия серии переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). В этом же ряду стоит создание Организации Объединенных Наций, Международного валютного фонда и Всемирного банка, бреттон-вудские соглашения и т. п.

Деструктивная экономика — это не только индустрии материалоёмких и высокотехнологичных войн, когда некое государство (вроде Ирака) подвергается серьёзному разрушению, а потом достаточно серьёзные средства и усилия тратятся на восстановление разрушенного. (Хотя нечто подобное мы можем наблюдать на примере Японии или Германии). Деструктивная экономика не такая уж однозначная практика, когда начинаешь ее анализировать с точки зрения экономики, даже с точки зрения бухгалтерии.

Если кто-то из вас видел фильм «All that Jazz» («Вся эта музыка» — в русском переводе), то, возможно, помнит центральную коллизию, которая весьма характерна как кейс. Известный театральный режиссер ставит модный мюзикл, и в ходе постановки с ним случается инфаркт. Это в свою очередь ведет к неразберихе, нарушению сроков, а, кроме того, нет гарантии, что после инфаркта результат работы талантливой режиссеры окажется столь же качественным, как его предыдущие произведения. Совет директоров (ибо, вы знаете, нет Майкла Джексона, нет Мадонны, т. е. я хочу сказать, что Майкл Джексон — это предприятие, которое мы видим примерно так же как видим айсберг: на сцене — Майкл Джексон, но за форматом сцены — это мощное, с большим количеством нулей предприятие) собирается и начинает подсчитывать убытки, а подсчитав их, директорат расстраивается; но в это время главный бухгалтер — неслучайно же он, главный бухгалтер, говорит: «Давайте просчитаем ситуацию иначе, давайте посчитаем, что случится, если наш режиссер умирает. Тогда мы получаем страховку, мы попадаем в форс-

мажор, мы не несем ответственности...» и далее, понятно, что происходит...

То есть, счет с «негативной стороны» в экономике становится все более изощренным пространством операции. Иррациональные числа в современной экономике вполне рациональны. Забегая вперед, приведу такой пример: психология тесно связывает понятия прибыльности предприятия с его капитализацией; в реальном же мире дела далеко не всегда обстоят подобным логичным образом. Прибыльность предприятия может быть низкой, или даже отрицательной величиной, но его капитализация — величиной положительной и даже высокой. Возможны и более экзотичные сочетания; в России это случается сплошь и рядом, примеры вы знаете — и в сфере СМИ, и в некоторых других областях...

Но продолжим разговор. После войны складывается новый мир, где работать прежними методами в экономике становится весьма затруднительно. Происходит кризис накопления капитала, падение его производительности, кризис банковской системы и традиционных форм капитала. Мировая экономика тяготеет не только к глобальному охвату, но также к выявлению новых предметных полей деятельности, каталогизации материальных и нематериальных объектов — актуальных и потенциальных элементов коммерческих операций. А также новых форм капитала и новой роли нематериальных активов, равно как и к последовательному расширению зон приватизации (вплоть до откупа зон «публичного блага») и к новой, комплексной формуле разделения труда.

Стратегия эта начала активно осуществляться в последние десятилетия XX в., постепенно охватывая планету: от Чили до Великобритании, от Советского Союза до трансформирующегося ареала Восточной Азии. Я, конечно же, имею в виду неолиберальную модель экономической практики и соответствующую модель мироустройства (достаточно многовариантную, нередко сочетающую экономический либерализм

с политическим авторитаризмом или даже подчас реализующий такой социальный феномен, как неолиберальный феодализм). Неолиберализм, в своем самом кратком определении, — это экономическая власть (чтобы не сказать, экономическая диктатура), освобождающая ее деятельные формы от иных — национальных, государственных, этических — ограничений и сопровождающаяся сужением пространства публичной политики и представительных форм власти. Более того. В каком-то смысле, это финал долгого состязания государства и капитала, порождающего новую формулу социального обустройства: *государство-корпорацию*, выведенную за пределы прежних социальных прописей и знаменующую начало новой исторической эпохи, утверждение новой феноменологии миростроительства.

В эти годы проявляются высокие геоэкономические технологии, когда ведущей отраслью экономики становится не производство того или иного продукта, но самой деятельности, своего рода глобальных услуг. Попробуем рассмотреть некоторые из них.

Во-первых, это **новые деньги**, которые возникли в 1971–1973 гг. после отмены США золотого стандарта в различных его модификациях, после чего исторический процесс «порчи монеты» достиг логического результата. Деньги обретают своеобразный «алхимический» характер — их значение определяется, в конечном счете, символическим капиталом Соединенных Штатов Америки, их возможностями глобального управления, а не теми или иными материальными ресурсами.

Проще говоря, новые деньги — это деньги, которые не обеспечены драгоценными металлами, ликвидностью и т. п. Более того, не обеспечиваются они и достоянием государства. Так что обанкротить США невозможно, и именно потому, что страна является эмитентом этих новых денег. Иными словами, доллару грозит лишь девальвация, на которой, как ни странно, Америка, однако, не только в финансовом пла-

не не теряет, но даже получает прибыль. Потому что деньги (т. е. обязательства) «гниют», являясь объектом перманентной инфляции.

Обычная банковская технология действует следующим образом: человек или предприятие занимают деньги в банке и уплачивают проценты; но если эмитировать долговые расписки как универсальные деньги, все происходит с точностью до наоборот: вы занимаете нечто у мира, а мир платит за это проценты. Долларовые банкноты или соответствующие электронные платежи (расписки заемщика) предъявляются затем эмитенту (если предъявляются), скажем, в оплату его товаров, уже обесцененными — процент инфляции из них автоматически вычтен.

Иными словами, привычная банковская схема «кредитор — заемщик» меняется в данном случае на прямо противоположную: кредитор платит заемщику процент, равный проценту обесценивания ссуды.

Приведу одну не слишком точную аналогию: глобальные деньги — это, в сущности, то же самое, что использование английского языка в мировой финансово-экономической практике; причем умные люди даже просчитали и оценили это лингвистическое преимущество в 30–50 млрд долл. ежегодного дохода. Другими словами, если вы составляете договоры на родном языке — и не просто родном языке, а на родном юридическом языке, — то можете рассчитывать на некоторое системное преимущество. В нашем случае происходит нечто аналогичное. Вы заполняете мир расписками, которые обходятся вам по технической цене 3 цента за 100-долларовую бумажку (да и то это только к агрегату M_0 относится, основная же масса платежей происходит в электронной форме). Но что, возможно, не менее важно: вы получаете некоторый контроль над банковскими проводками, а главное — над обитанием и флуктуациями капитала в мире. Откуда проистекает возможность ареста долларовых авуаров того или иного субъекта плюс иные приятные и удобные возможности.

Другая высокая геоэкономическая технология — **глобальный долг**. Генезис глобального долга относится приблизительно к тому же периоду. В 1973 г. разразился нефтяной кризис как результат «войны Судного дня» между Египтом и Израилем: в то время цены на нефть резко подскочили, доходы нефтедобывающих государств серьезно возросли, и значительные объемы евродолларов (т. е. долларова́я масса, находящаяся за пределами США) вторглись в мировую финансово-экономическую систему.

Страны-экспортеры нефти, однако, не обладали инфраструктурой, способной абсорбировать избыточные финансы, поэтому не могли эффективно и производительно использовать свалившееся богатство. Оставался единственный путь — поместить средства в банки, что эти страны и делают: переводят деньги в надежные западные банки. Те постепенно переполняются, кредит дешевеет, становится избыточным, деньги начинают подгнивать, а когда деньги залеживаются, банковским учреждениям грозит банкротство. Инфляция в подобных условиях, само собою, растет; кредиты предоставляются все менее надежным заемщикам и на менее выгодных для банков условиях. В конце концов, займы начинают даваться под проценты, практически, ниже уровня инфляции.

На данной стадии «кризиса финансового изобилия» ситуация была частично смягчена пришедшимся примерно на те же годы процессом деколонизации, который расширил пространство кредитных операций. В то время возникало множество государств, охотно бравших деньги, и не менее охотно и быстро их тративших: строили стадионы, дворцы, затевали престижные проекты, переводили средства из банка в банк, разворовывали... А когда наступал срок уплаты долгов, финансовые учреждения предоставляли новый кредит, на сей раз на погашение предыдущих.

К началу восьмидесятых годов ситуация, однако, драматичным образом изменилась. В условиях нового повышения цен на нефть очередной виток инфляции потребовал при-

нения достаточно жестких мер — в том числе, увеличения процентных ставок. Страны же заемщики прочно увязли в трясине долгов и многочисленных, нередко весьма дорогостоящих проектов. К тому же, в индустриально развитых государствах к тому времени были задействованы финансово-экономические механизмы, позволявшие перераспределять природную ренту в свою пользу. Наконец, на роль крупнейшего заемщика стали претендовать Соединенные Штаты, столкнувшиеся, в силу ряда обстоятельств, с устойчивым ростом государственных расходов и бюджетного дефицита.

Оскудение кредитных рынков создало проблему выплат по ранее взятым обязательствам, ряд развивающихся стран начали ощущать последствия «дурной бесконечности» потерянного десятилетия. Одновременно ужесточилась политика банковского сообщества, оказавшегося перед угрозой глобального дефолта. И действительно, первой его ласточкой стал долговой кризис в начале восьмидесятых.

Спасением явился переход банковских учреждений к коллективным действиям. (Неслучайно рождение в тот период влиятельных организаций кредиторов — Парижского и Лондонского клубов.) Во главе комплексной стратегии выхода из тупика оказались международные экономические организации: Международный валютный фонд и Всемирный банк реконструкции и развития, созданные в рамках бреттон-вудской системы для других целей, но обретшие в конце семидесятых второе дыхание, верно оценив открывшиеся перспективы.

Глобальный долг — это не просто долг, но динамичная система контроля над траекториями ресурсных потоков и конфигурацией мирового дохода. Основой стратегии стала реструктуризация задолженности стран-заемщиков, санация их финансового положения, сокращение бюджетного дефицита, но так же — структурная перестройка национальных экономик, сопряженная с широкой приватизацией, либерализацией цен и внешней торговли, ведущая к росту экс-

порта, а, соответственно, и валютной выручки, необходимой для расчетов с кредиторами. В итоге, мировая финансовая система устояла; однако глобальная экономика приобрела качественно иной облик.

При анализе **технологий адаптации периферийных экономик к глобальному рынку** — программ структурной перестройки¹ и финансовой стабилизации — обращают на себя внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, в отличие от прежних рецептов встраивания развивающихся стран в динамику мировой экономики (в русле «геокультуры развития»), алгоритмы данной технологии нацелены на создание жизнеспособной неравновесной, но устойчивой модели перераспределения мирового дохода. Модель имеет серьезные социальные следствия, связанные со сжатием внутреннего потребления в странах-должниках (и перераспределением активов в пользу кредитора), ибо радикальное уменьшение бюджетных расходов, конечно же, влияет на положение широких слоев населения.

Во-вторых, стабилизируя состояние финансовой среды, стимулируя ее развитие (формируя платежеспособный спрос на финансовые ресурсы/услуги), пакет реформ призван также решить другую стратегическую задачу — обеспечить долгосрочную встроенность (*adjustment*) Юга в систему североцентричного глобального рынка в качестве ресурсно-сырьевой составляющей, выводя прежнюю ситуацию пресловутых ножниц цен на качественно новый уровень.

В соответствии с технологией структурной перестройки в стране-реципиенте происходит оптимизация добычи полезных ископаемых; затем сырье выбрасывается в возрастающих количествах на рынок, а государство, по логике данной технологии, получает деньги, с помощью которых может выплатить задолженность. Спасая, таким образом, мировую банковскую систему от краха. Однако системные следствия

¹ «*Structural adjustment*», но *adjustment* — это не совсем перестройка, скорее поднастройка, прилаживание, адаптация.

от применения технологии структурной перестройки на этом не прекращаются. Все большее число стран начинает повышать экспорт сырья — ведь это их основной источник валюты, — поэтому мировые цены на него снижаются. Падает также уровень рисков в обеспечении глобальной экономики природными ресурсами. Сырья добывается больше, однако доход от его продажи может и понизиться, а знаменитые «ножницы цен» — возрасти. Что в свою очередь приводит к новому витку в росте предложения.

Органичное в русле рассматриваемых реформ и в логике фритредерства снижение либо полная отмена экспортных пошлин — помимо стабилизации долговой ситуации (или, быть может, правильнее сказать — перевода долгосрочной проблемы на хорошо обустроенную и уходящую в бесконечность колею) — формирует благоприятный торговый климат для стран — импортеров сырьевых продуктов. Тем самым, по сути, стимулируется сырьевой бум: устойчивый приток на рынок и изобилие дешевых ресурсов — в силу естественного в подобных условиях падения цен; а распределение прибыли становится доходным занятием структур, контролирующих международные торговые операции.

При этом у стран-потребителей остаются рычаги для изменения в свою пользу схемы распределения горной ренты — за счет введения высоких импортных тарифов (под предлогом антидемпинговых процедур) либо в форме высокого налогообложения продуктов первичной обработки дешевого сырья (как бы выравнивая конечную цену продукта по высокой внутренней планке). Но так же и в форме потребления фактически бесплатных экологических ресурсов, ввиду отсутствия глобального рыночного механизма в данной сфере.

Рассмотрим теперь технологию финансовой стабилизации. По своей сути это бюджетная операция, при помощи которой внутреннее потребление, т. е. расходные статьи бюджета — в особенности социальные (у которых, к тому

же, заметно меньше лоббистов) — начинают оптимизироваться, т. е. сокращаться. А образующийся профицит направляется на выплату внешней задолженности. Данная расходная статья подчас становится ведущей в национальном бюджете.

Таким образом, мировая банковская система не только вышла из кризиса, но сформировала систему перманентного долга, фактически охватывающую весь мир.

И еще одно важное обстоятельство. В самой аксиоматике данной концепции реформ было заложено фундаментальное противоречие между стимулированием развития рыночной среды, национального частного сектора и вне-рыночным характером действий международных организаций, фактором их целенаправленного влияния на процесс принятия решений в странах-реципиентах. В результате, несмотря на декларируемые цели, фактический контроль за социально-экономической деятельностью зачастую переходил не столько к местному частному сектору, сколько к иностранным донорам и международным организациям, формируя контекст своеобразного североцентричного «макроколониализма».

Еще один пример высокой геоэкономической технологии — это **управление рисками**. Тут следует подчеркнуть, что управление рисками не сводимо к их страхованию, хотя последнее потенциально является весьма масштабным видом деятельности. Так, еще в 1997 г., на волне восточно-азиатского кризиса заговорили о страховании национальных и региональных рисков и о создании нового международного института, предназначенного для данного вида деятельности.

Управление же кризисными ситуациями ориентировано не только на снижение, но, порой, и на повышение уровня кризиса. Сегодня по миру «мечется» довольно большое количество финансовых средств: по оценке Stanley Morgan, в более-менее свободном состоянии находятся суммы, при-

ближающиеся к половине стоимости мирового продукта. А, как минимум, 500–600 млрд долл., словно стада бегущих бизонов, перемещаются по планете, потому что это «горячие» деньги, спекулятивные деньги, деньги, которые ищут применения. И в процессе их движения из региона в регион, из страны в страну позади остаются и воплощенные в реальность миражи, и руины брошенных на произвол судьбы хозяйств...

Вот хроника кризисных ситуаций конца XX в.: 1994–1995 гг. — Мексика, 1996-й — Бразилия, 1997-й — Восточная Азия, 1998-й — вновь Бразилия и Россия. В 1999 г. финансовые пертурбации сливаются с военно-политической составляющей управления кризисами: это Югославия, а в 2000 г. кризис переживает уже новая экономика США, особенно связанная и интернет-технологиями. С 2001 г. начинается XXI в., и 11 сентября критичность глобальной экономики перерастает собственно экономические рамки. Пространство актуального управления рисками перемещается на Большой Ближний Восток, а предметным полем геоэкономических операций становится курс доллара и цена нефти. С 2000 г. начинается тектоника, отразившаяся сначала на информационной экономике, а спустя несколько лет — на всей глобальной финансовой системе. А в XXI в. (2008 г.) разразился уже глобальный финансово-экономический кризис.

Рассуждая о высоких геоэкономических технологиях, следует, наверное, упомянуть также перспективы выстраивания глобальной налоговой системы (ее прообраз, кстати, проскользнул в схеме Киотского протокола). Наконец, отдельная тема — деструктивная параэкономика (и связанные с нею технологии), в рамках которой поля деятельности и доход образуются за счет деконструкции — подчас, высокоиндустриальной — результатов человеческой деятельности.

Часть II. Геоэкономическое мироустройство и сетевая культура

Теперь коснемся другой темы — соотношения современного мироустройства и экономики. Главная изюминка здесь — привычный стиль рассуждений о национальной экономике, в то время как экономика сегодня существует в транснациональной системе координат. Но при этом законодательная база данного пространства «дискретна», а, проще говоря, правовое регулирование данного пространства весьма зыбко. У нас нет транснационального законодательства, поскольку нет мирового правительства. Да, конечно, существуют национальные подходы к данной сфере деятельности, остатки тарифных барьеров, сложная переговорная система в рамках ВТО... Но транснациональные корпорации — сильные организмы, где работают искусные операторы, которые выстраивают определенную логику и поддерживают особую геометрию транснациональных отношений.

В итоге, в экономике образовалось как бы два русла, два генеральных тренда, обустроивающие мир в рамках новой парадигмы. Это привычное пространство взаимодействия национальных экономик («мировая экономика») и глобальный геоэкономический универсум («глобальная экономика»), где складывается собственная, специфическая система разделения труда.

В начале выступления я уже упоминал, что введение элементов глобального управления в современную экономику приводит к синтезу хозяйственных и властных функций, что отразилось в актуализации категории «геоэкономика», понимаемой как слияние политики и экономики, в формировании на данной основе системы стратегических взаимодействий.

Действительно, экономика все чаще выполняет управленческие и властные функции, а власть соучаствует в решении экономических задач. Но главное — и то, и другое нередко осуществляется за пределами национальных территорий. По-

степенно сумма хозяйственной деятельности на планете — в процессе мирового разделения труда — приобретет черты целостной структуры, политэкономического организма, отдельные компоненты (члены) которого носят специализированный характер. Иначе говоря, современная экономическая практика транснациональна и глобальна, хотя и привязана к определенным географическим ареалам. Отсюда еще один из смыслов в содержании категории «геоэкономика», фиксирующий пространственную локализацию (географическую и трансгеографическую) различных видов экономической деятельности, новую типологию мирового разделения труда в глобальном универсуме.

Дело в том, что модули («этажи») геоэкономической машины, разнесенные в пространстве, находятся в определенных производственных взаимоотношениях. К примеру, производство природного сырья и материальных изделий связано в устойчивую диаду. То же самое можно сказать о «сырье» интеллектуальном и высокотехнологичном производстве. Проанализировав палитру подобных отношений, мы можем построить целостную, сложноподчиненную (иерархичную) матрицу, объединяющую в единую композицию весь спектр хозяйственной и финансовой деятельности на планете.

Позвольте представить вам такую модель: знаменитый «китайский шар», в котором вырезается еще несколько шаров, вложенных один в другой. Занимаясь междисциплинарными темами, порой невольно поражаешься неожиданным сближениям, какому-то символизму мироустройства. Так и в нашем случае имеет место сближение архитектоники геоэкономического универсума с древним символом, а с другой стороны — с умозрительной моделью, выстроенной на основе совокупности экономических формул. Не менее удивительно и то обстоятельство, что данная типология достаточно просто сближается с географическими реалиями, отчасти именно поэтому претендуя на определение «геоэкономическая».

«Китайский шар», представляющий пять уменьшающихся шаров, расположенных один внутри другого, является неплохой моделью геоэкономической организации мира. На внешней поверхности геоконуса расположено пространство **Нового Севера**, охватывающее прочие экономические миры. Оно генетически связано с североатлантическим регионом, но обладает собственным историческим и трансгеографическим целеполаганием. Экономика космополитичного модуля прямо связана с владением весьма значимым символическим капиталом, с принятием и проекцией властных решений, с финансово-правовым регулированием операций, с информационной, интеллектуальной и цифровой экономикой, с областью высококвалифицированных услуг, оставляя собственно материальное производство другим геоэкономическим персонажам.

Доминанта следующего геоэкономического ареала («первого внутреннего шара») — производство высоких технологий, расположенное в североатлантическом регионе. И если первый, транснациональный «этаж» мы обозначили как **Север**, тогда второй, географически локализуемый регион следует, наверное, сохраняя типологическую преемственность, именовать **Западом**. Североатлантическая мир-экономика выполняет функции своеобразного «высокотехнологичного Версаке», занимаясь производством лекал и образцов, причем далеко не только в области одежды и обуви, но, главное, в сфере высоких технологий, которые, с определенными ограничениями для технологий военных и некоторых других, тиражируются затем в других регионах планеты. И, прежде всего, на просторах Большого тихоокеанского кольца.

Сегодня Тихоокеанский регион в геоэкономическом смысле — это не только Северная и Юго-Восточная Азия, Австралия и Океания, ареал включает такую нетрадиционную ось, как Латинская Америка — Индостан. Это **Новый Восток**, связанный с массовым промышленным производством, включая наукоемкие и высокотехнологичные товары.

Еще один географически мотивированный регион — **Юг**, расположенный преимущественно в тропической и субтропической зоне. Основа его геоэкономической ориентации — производство природного сырья.

Следующая зона, пожалуй, наиболее сложна для анализа с точки зрения ее хозяйственной ориентации. Это «сухопутный океан» Евразии, точнее Северной Евразии, в политическом отношении во многом связанный с историческими судьбами России. Если бы речь шла о построении формальной модели, то структурообразующим началом данного «большого пространства» — своеобразного геоэкономического **гипер-Севера** — по ряду косвенных признаков могло бы стать производство интеллектуального сырья для широкого круга нововведений (как инженерных, так и социогуманитарных). В таком случае, пространственная организация мира точно соответствовала бы умозрачительной формуле «мировой производственной мегамашины» — единого комплекса мирового хозяйства. На практике, однако, этого не произошло.

Завершает перечень основных элементов («стихий») геоэкономической конструкции транснациональный андеграунд, «размазанный» по изнанке геоконата, объединяя, словно лента Мебиуса, спекулятивный квази-Север с откровенно грабительской, «трофейной» экономикой **Глубокого** (Глубинного, Крайнего) **Юга**. Это наследник традиционной криминальной и околориминальной деятельности, включивший в себя развернувшийся в наши дни потенциал трофейной экономики, оперирующий сотнями миллиардов (если не триллионами) долларов и обретающий качественно новые характеристики, особое положение в рамках глобальной экономики.

Трофейная экономика — 1) использование ранее накопленного цивилизацией материального потенциала в качестве источника извлечения краткосрочной прибыли; 2) сужающееся, «хищническое» производство, основанное на «проедании» ресурсов предыдущего этапа развития.

Предметное поле данного геопространства расширяется, не ограничиваясь привычным списком видов криминальной активности, такой, как, например, наркотрафик (хотя последний и составляет наиболее заметную часть паразэкономии). Трансграничный Глубокий Юг интегрирует всевозможные проявления «подпольной экономики», связанные в свою очередь тем или иным образом с экономикой легальной, выстраивая на основе этого взаимодействия серые, полусерые и прочие нечистивые зоны практики.

В настоящее время на плацдармах глобальной экономики сталкиваются альтернативные стратегии завоевания будущего:

- «замкнутая» оптимизационная (за которой стоит такая категория, как «информация», рассматриваемая в качестве базового ресурса общества), тесно связанная с развитием финансово-правовых технологий, «каталогизацией» мира в рамках возводимой конструкции нового геоэкономического порядка, становлением системы эффективного глобального управления;
- «разомкнутая» инновационная (в качестве основы опирающаяся на креативность), суть которой — получение нового знания и качественное, скачкообразное преобразование среды обитания человека.

Основу первой тенденции составляет идеал глобального управления, прочитанный как финансово-правовое регулирование, перераспределение ресурсов и взимание геоэкономических рентных платежей. Она тесно связана с инфраструктурой финансовых учреждений и гигантских ТНК или, как их подчас называют, — глобальных корпораций. Эти экономические гиганты обладают колоссальной мощью: достаточно сказать, что в списки 100 крупнейших экономик мира (понимаемых как национальные и транснациональные экономические организмы) ТНК занимают 51-ю позицию.

Вторая тенденция проявляется в росте числа и качественном развитии разнообразных гибких и сверх-гибких венчурных предприятий (вплоть до феномена *manterprise* —

«человек-предприятие»). Основой подобных предприятий становятся уже не основные фонды и даже не регламентированный управленческий ресурс, но человеческий капитал, некоторое критическое число творческих личностей, от наличия или отсутствия которых подчас зависит судьба организации.

Оба тренда, однако, не существуют в окружающей нас реальности как автономные и открыто противостоящие. Они проявляются в единой среде и подчас в организационной структуре/иерархии приоритетов одних и тех же организаций как два стратегических вектора, нацеленные на доминирование в новом веке. Современная экономика, конъюнктурно и асимметрично объединяя достижения в обеих сферах — информационной и инновационной (хотя с заметным креном в сторону первой составляющей), — предуготовляет драматичное столкновение интересов между управленческой элитой и производителями нового знания: т. е. своего рода классовый конфликт нового века.

Проблема в том, что механизм раскрутки мировой экономики, который действовал на протяжении нескольких сотен лет — перманентное инновационное развитие, — затормозился и работает с перебоями. Инновационный всплеск начала XX в., породив кризис перепроизводства (а заодно — методы борьбы с ним), сменился экстенсивной оптимизацией достигнутого, заметно снизив при этом производительность капитала. Попытки же совершить новый прорыв, вернув локомотив экономики на рельсы инновационно-индустриального развития, на практике — по большому счету — не реализуются. Информационная техника, средства коммуникации, продукция биотехнологий и нанотехнологий, энергия термоядерного синтеза, новые виды топлива — очерчивают потенциальное пространство исторического действия, но не производят само действие, которое можно было бы предъявить обществу, поставив на одну доску с промышленным переворотом прошлого столетия. Между

тем экономика в привычном облики, экономика индустриальная, промышленная становится второсортной. Требуется серьезное обновление ее прописей, некий механизм, на сегодняшний день отсутствующий.

Последующая метаморфоза глобальной экономики может оказаться тесно связанной с экспансией вызревающих в плаценте геоконата «государств-корпораций» — динамичных трансгосударственных конструкций, основанных на заметно иных, нежели прежние ТНК, организационных началах. Траектории подобных «блуждающих звезд» и «астероидных групп» уже сегодня прочерчивают небосвод глобальной экономики, снижая актуальность прежней административно-политической картографии и опредмечивая контурные карты Воздушной Лапутании. Гибкие «государства-корпорации» преследуют не только экономические, но также политические и социально-культурные амбиции, выступая порою как вполне самостоятельные субъекты стратегического действия. В данной теме много и непознанного, и непрописанного, но в качестве некоей аналогии можно сослаться на феномен вирусных атак или на поведение «червей» и «троянов» в виртуальном электронном пространстве.

Прорыв корпораций в будущее, утверждение возобновляемых прав на него, может стать следствием нетривиального взгляда на ландшафты Трансграничья, расположенного по ту сторону постиндустриального барьера, прозорливого суждения о потребностях его обитателей, оригинальной проблематизации ситуации и ее гениального разрешения.

Удельный вес традиционного производства в «северном» модуле между тем снижается. В тех или иных формах оно передается контрагентам, уходит в периферийные географические и геоэкономические пространства. Статус изделия, «вещи» резко понизился, а человек-производитель, рабочий, все чаще оказывается избыточной величиной. Промышленность утратила прежнее, центральное положение, зато все большее значение стали приобретать изоморфизмы немате-

риальной сферы, нетривиальные формы финансовых операций, организационные технологии, способность к быстрому обновлению, скорость экспансии, репутация, умелое управление рисками, искусство опознания новых ресурсов и эффективного распоряжения ими.

В преображенной среде распространяется полифоничная культура, тесно связанная с постиндустриальным укладом и сетевой формой организации в целом. Культура, в которой инерционная монотонность оптимизации (экономии) преодолена нелинейной стратегией избыточности (*redundancy*). Новые организации в центр своей активности ставят серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно, собственное, оригинальное прочтение повседневности и горизонтов бытия. По этой модифицированной системе координат меряются затем прочие виды корпоративной деятельности, концентрируясь в смысловом фокусе и притягивая схожую с собой феноменологию. Решение же частных рабочих схем, а порою и производства в целом, передается сопутствующему рою партнеров-агентов на условиях франчайзинга и аутсорсинга.

В идеале, действия макрокорпоративного конгломерата нацелены на оптимальное сочетание — под эгидой деспотизма идеи (наследия института корпоративной хартии) — интенсивной поисковой активности с системностью экстенсивных операций по освоению завоеванного пространства.

Преадаптация к будущему, вычерчивание его зыбкой картографии все чаще признается ключевой предпосылкой стратегического успеха, напоминая историческую гонку за возможностью утвердить фирменный флагшток и само имя (логотип) на полюсе обитаемой реальности. Обеспечивая, таким образом, право на пребывание в завтрашнем мире, на значимое и продолжительное существование в нем. С какого-то момента стали высоко котироваться владение пространствами новизны, концептуальная разведка, сценарный изыск, искусство прогностики и долгосрочного плани-

рования (нормативной футурологии). Иначе говоря, поиск провиденциального ответа на неощущаемый конкурентами вызов времени.

Параллельно растет значение капитализации как экономистического момента истины — интегрального показателя дел в данное время и в данном месте (just in time price).

Капитализация — складывающийся метаязык универсального рынка, параллельно приспособляемый для дешифровки и чтения любых антропологических текстов. Она остается связанной — хотя в ряде ситуаций уже не столь жестко — с рентабельностью предприятий, текущей финансовой отчетностью, основными фондами, бухгалтерской стоимостью. В заметно большей пропорции, однако, соотносится она теперь с темпоральными характеристиками рентабельности, включая комплексный расчет рисков, с дисконтной геометрией чистых денежных потоков (free cash flow to equity) и т. п.

В постклассической экономике значительную, подчас решающую роль при определении рыночной капитализации предприятия начали играть протееобразные, т. е. подвижные, изменчивые и не всегда легко опознаваемые и формализуемые нематериальные активы. Например, совокупные качества персонала, комплекс личных и социальных связей, информация *per se* и знание *ad hoc*, доступ к длинным деньгам, корпоративная аура, позиционирование на рынке (желательно на глобальном) и в обществе в целом.

В последней трети прошлого столетия расхождение между рыночной капитализацией предприятий и стоимостью физических активов становится заметным фактором экономической игры, причем, как в постиндустриальной сфере, так и в традиционных областях хозяйства. (Что отражено, в частности, в таком показателе, как «коэффициент Тобина»: отношение рыночной стоимости предприятия к цене замещения его реальных активов.) И, по мере приближения рубежа веков, разрыв этот стремительно увеличивается. В некоторых случаях он

становится даже не кратным, а порядковым. Многие представления о структуре и характере экономического космоса изменились в те годы, что, в конце концов, и было зафиксировано в определении «новая экономика». Для нового поколения игроков управление видимыми и невидимыми активами обретает особое значение на ее виртуальном, цифровом поле.

Пристальный интерес вызывает, фактически, любой, в том числе самый экзотичный источник роста совокупной рыночной стоимости, который удастся опознать и формализовать. Заметно выросло значение таких нематериальных факторов и активов, как:

- человеческий капитал и, прежде всего, сумма контрактов ведущих сотрудников организации;
- баланс компетенций и, прежде всего, умение управлять нематериальными ресурсами;
- интеллектуальная собственность и, прежде всего, основной бренд;
- качество цифровых массивов и, прежде всего, уникальная/эксклюзивная информация;
- корпоративные связи (взаимные обязательства, регламенты, формальные и неформальные сети, доверие) и корпоративная культура в целом;
- стратегические активы и наличие дальних горизонтов.

Все чаще учитывается не столько текущее, сколько ожидаемое состояние дел (т. е. тренд, «колея», перспектива). Степень влиятельности и включенность в значимые коалиции (совсем необязательно только экономические). Общественное и профессиональное признание (авторитет). Лидерство на рынке. Инициатива. Искусство и культура принятия решений. Творческий подход (вплоть до изощенной провокативности). Способность кардинально пересмотреть ситуацию. Устойчивость по отношению к текущим и будущим рискам, умение использовать их как ресурс.

Подобное изменение иерархии ценностей (к примеру, соотношение шкалы нематериальных активов и основных фон-

дов, капитализации и рентабельности) можно образно сравнить с отношениями мутационного фактора и механизма естественного отбора в процессе эволюции. Первый создает качественные прорывы («фазовые переходы»), второй — обеспечивает планомерное освоение открывающихся ниш.

Коллективный и слабо формализованный субъект социального действия, обладающий трансэкономическими мотивациями, я называю амбициозной корпорацией, учитывая что для многих новаций нет пока адекватных категорий и профессиональной лексики.

Так что термином этим случается обозначать и возникающие корпорации-государства, и более традиционные глобальные мультикультурные предприятия, влияющие на ход событий, и неформальные клубы различных пропорций/уровней компетенции, «невидимые колледжи», религиозные и квазирелигиозные группы действия, разнообразные этнические диаспоры, глобальные племена и организованные меньшинства, политически ориентированные профессиональные цеха и территориальные комьюнити, масштабные лоббистские структуры. А заодно такие аморфные, но энергичные сетевые организации, как, например, трансформеры транснационального движения альтерглобалистов. Список может быть продолжен.

Одновременно к (пост) современной властной мозаике тяготеют пестрые трансгеографические движения революционеров, подпольный истеблишмент ниспровергателей основ, «союзы энтузиастов и сумасшедших»... Наконец — криминальные структуры или террористические организации, выстраивающие алгоритмы деятельности по собственным мотивам тотальной борьбы за будущее. И порою, будучи не в состоянии конструктивно менять реальность, они в прямом смысле подрывают ее.

В своей предельной форме амбициозная корпорация — гибкая организованность, манипулирующая и манипулируемая (образуя канал эффективной обратной связи), пре-

следующая неоднозначные цели, обладающая неординарным целеполаганием, динамичная, многомерная, сложная по композиции, транснациональная по составу и месту приложения сил, весьма критичная по отношению к прежней типологии общественного устройства и собственному текущему состоянию. Но нередко при этом полагающаяся в своих венчурных предприятиях на некий солидный и статусный объект Старого мира, транслируя до поры его намерения и мотивации, будучи, однако, готовой перерезать связующую пуповину.

Принципы жизнедеятельности инновационных корпораций все чаще акцентируют нематериальную природу практики, искусство миростроительной (демиургической) импровизации, выходя за рамки планирования исключительно экономического успеха: мутирующим организмам стала заметно «тесна кольчужка» прежней грамматики повседневности. Чтобы устойчиво получать масштабную прибыль, корпорация должна претендовать на нечто большее, чем прибыль. Культура предпринимательская *per se* уступает место синергичной культуре корпоративных сообществ, восстанавливая полузабытые обертоны этого понятия, в том числе — трансэкономические помыслы и перспективы. Смыкаясь с аналогичными процессами в других сферах человеческой деятельности, стратегия метакорпорации теперь особо выделяет поиск оригинальной суперпозиции в системе социальных замыслов, соответствующим образом формулируя миссию и прови́дение (*vision*), обретая вкус к освоению еще только намечающихся горизонтов событий.

В соответствии с логикой подобного подхода корпорация деятельно планирует и осуществляет обустройство перспективной социальной ниши, в результате чего ее образ сопрягается в общественном сознании с миражами и горизонтами взыскуемой обществом утопии. Даже небольшая корпорация, нашедшая свой конкурентоспособный рецепт колонизации будущего, переживает пароксизм роста и ощущает высоту границ достигаемого успеха.

Обретая же востребованную историей позицию, корпоративный конгломерат производит/продает уже не конкретный товар и даже не «товарный сюжет» (выдвигающий на передний план долгосрочный маркетинг, маргинализируя сам фактор производства), но идею, перспективу, а вместе с ними — доверие, безопасность, борьбу за мир, лежащий по ту сторону высотной границы. В конечном счете, именно способность к освоению новизны, искусство преадаптации к ней предопределяют успех эволюции и долгосрочность существования в распахнутом мире.

Речь при этом идет обо всем многоликом семействе корпоративных организованностей: парapolитических, национальных, этнических, территориальных, экономистических, клановых, личностных. В особенности о тех, которые обладают способностью к дерзновению и — это стоит, наверное, подчеркнуть еще раз — имеют склонность к трансэкономическому целеполаганию.

Средства между тем имеют свойство служить не цели, а результату. Возникает гротескный образ дисперсного мира (воспринимаемого как *exaggeration*, кинематографическая карикатура), в котором конфессии размываются сектами, толками, тайными орденами; политика замещается операциями спецслужб, политтехнологов, командос; экономика — финансовыми производством и его производными, а культура — индустрией грез, душевного комфорта, иллюзий. Трансформации совершаются, однако, не только революционным образом, ломая стереотипы об колено. Чаще изменения происходят путем конвергенции («приложения») с привычными структурами повседневности, сохраняя до времени прежнюю, конвенциональную оболочку, но кардинально меняя суть. Явления очевидны, тенденции подчас ускользают от внимания. Полифоничные суверены-корпорации проявляются преимущественно в действии, а не в оргструктурах, публичных текстах или ярлыках. Так что ряд ситуаций и процессов (пост) современного универсума обладают

практически анонимным характером, образуя виртуальные криптографические миры. Что лишний раз указывает на дефектность привычной социальной картографии, неполноту сложившегося в прошлом категориального аппарата и теоретических схем политологии.

В постсоветской истории России, наряду с подвижками в направлении модернизации, проявилась также другая тенденция — демодернизация части территории, определенная архаизация социальных связей. В настоящий момент страна находится на распутье, подобному цугцвангу, между инерцией трофейной экономики, более-менее устойчивой ролью сырьевой державы (и потенциального объекта масштабных игр в данной сфере), попытками вхождения в транснациональный мир глобальных корпораций. И периодически вспыхивающей тягой к мягким формам неопротекционизма или подспудными разговорами о возможности реанимации элементов мобилизационных схем управления. Суть выбора, в конечном счете, заключена в смысловой развилке между поведением активным и пассивным, между обществом, которое развивается ко все более сложной, полифоничной, динамичной конструкции, и социумом, тяготеющим к статичной, номенклатурной, иерархичной форме устройства.

На практике частью альтернативной стратегии может также стать, причем достаточно неожиданным образом, системный (а не прежний спонтанный, «бунтарский») выход асимметричных субъектов и личностей из слабо связанной национальной корпорации — при формальном сохранении ее административной оболочки — за пределы привычной, помеченной флажками геометрии и кодекса поведения. Иначе говоря, со временем в России может возобладать геоэкономический, а не этно-национальный, «отраслевой», а не «региональный» сепаратизм.

После вступления страны во Всемирную торговую организацию, в амальгаме фритредерства и сложноподчиненной субъектности (определяемой в соответствии с градусом вли-

яния на события) геоэкономические перспективы, конкурентоспособность страны, региона-реципиента, региона-донора, либо метрополиса могут и разойтись. Усиление позиций отраслевых конгломератов, корпораций, как деятельностных, так и региональных (территориальных), и даже отдельных предприятий, оказывается все более косвенным образом связано с успехами национальной экономики в целом. Одновременно, на территории страны усугубляются проблемы «сбережения безработного населения», умножения силовых и разрастания бюрократических структур, прочих социальных издержек.

На глазах возникает каркас биполярной модели, предполагающей в среднесрочной перспективе разделение страны на:

- «поисковую» государственность-А, являющуюся островом транснационального архипелага, предоставляя ее руководителям право на присутствие в элитном кругу. Подобное государство-корпорация (в геоэкономическом понимании термина), интегрированное параллельно в национальную политэкономическую среду и в глобальное пространство, строится на основе совокупности десятка олигархических картелей, прежде всего в сфере газа — и петроэкономики, систем их обслуживания (но также на других производственных и ресурсных основаниях), сведенных в социально-политическую связность под зонтиком новой управленческой конструкции;
- и «охранительную» государственность-Б: социальную, административную, реализующую общенациональные и силовые полномочия власти в меняющемся контексте, обеспечивая функционирование привычных, но теряющих прежнюю актуальность и эффективность форм государственного устройства, ветшающих институтов публичной политики и увядающих ветвей власти.

Все это вполне вписывается в архитектуру поствестфальского мироустройства, основанного на принципах динамичной иерархии и геоэкономической интеграции.